

УДК 316.42:323.28

DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-4-105-113

*Татьяна Владимировна Излученко,
Сибирский федеральный университет
(г. Красноярск, Россия),
e-mail: izluchenko@mail.ru*

Методология исследования экстремизма в современном научном дискурсе

Экстремизм является одной из наиболее актуальных и сложных проблем, угрожающих социальной и политической стабильности государства. Методология его исследования должна включать в себя различные подходы, сочетание которых позволит выявлять правовой, социальный и когнитивный аспекты экстремистских проявлений, внутренние и внешние предпосылки возникновения экстремистских идей и специфику деятельности, а также на основе полученных результатов определять конструктивные меры противодействия и способы реабилитации участников. Экстремизм представлен в качестве социально-политического феномена, противоправность проявлений которого определяется государством, основываясь на общественно опасном характере совершаемых действий, а девиантность – обществом, учитывая степень отклонения от нормы. В статье анализируются методологические подходы и методы исследования, существующие в современной науке, которые, на наш взгляд, могут стать продуктивными при исследовании экстремизма, отмечается степень их возможного применения. Необходимо отказаться от признания патологичности личности экстремистов как критерия изучения по причине формирования ошибочного и предвзятого мнения. Когнитивный подход позволяет рассматривать поведение экстремистов как рационально мотивированное, обусловленное нормальной работой психики и соответствующими когнитивными искажениями. Социально-антропологические подходы способствуют определению целей и задач деятельности, функциональному распределению статус-ролей, специфике моделей поведения и мышления, характеристике идеологических установок, а также реконструкции повседневности и социальных ритуалов. Статистический – выявлению закономерностей, поддающихся измерению, вычислению и прогнозированию, таких как динамика численности, степень вовлечённости и уровень радикализации общества. Как важные методологические принципы рассматриваются нейтральность исследовательской позиции, объективность оценки полученных результатов, учёт исторического и социально-политического контекста. Предлагаемая методология позволит разработать адекватную систему противодействия экстремизму и дерадикализации участников данных организаций.

Ключевые слова: метод, экстремизм, когнитивный подход, антропологические подходы, девиантность, когнитивные искажения, социальные системы

*Tatyana V. Izluchenko,
Siberian Federal University
(Krasnoyarsk, Russia),
e-mail: izluchenko@mail.ru*

Research Methodology of Extremism in Modern Scientific Discourse

Extremism is one of the most pressing problems threatening the social and political stability of the state. The methodology of his research should include various approaches that allow us to identify the legal, social and cognitive aspects of extremist manifestations. The conclusions formulated should reflect the internal and external prerequisites for the emergence of extremist ideas, an organized form of activity, the presence of a structure, countermeasures and methods of rehabilitation of participants. Existing constructive methodological approaches and research methods of extremism are revealed in modern science. Extremism is presented as socio-political phenomenon, the illegality of which is determined by the state, based on the socially dangerous nature of the committed actions. Extremism is understood by society as deviance, given the nature of deviations from normative behavior. The article analyzes methodological approaches, the combination of which, in our opinion, is productive in the study of extremism. The degree of possible application of these methods is characterized. It is necessary to refuse to recognize the pathology of the personality of extremists as a criterion for studying because of the formation of erroneous and biased opinions. Cognitive approaches allow us to consider the behavior of extremists as rationally motivated, due to the normal functioning of the psyche and the corresponding cognitive biases. Socio-anthropological approaches help to determine the goals and objectives of the activity, the functional distribution of status roles, the specifics of behavior and thinking patterns, the characteristics of ideological attitudes, as well as the reconstruction of everyday life and social rituals. Mathematical and statistical methods help to identify patterns that can be measured, calculated, and predicted, such as the number of participants, the degree of involvement, and the level of radicalization of society. Important methodological principles include neutralizing the research position, evaluating the results objectively, and taking into account the historical and socio-political context. The methodology based on a combination of different research approaches allows developing an adequate system of counteraction against extremism and deraidicalization of participants in extremist organizations.

Keywords: method, extremism, cognitive approach, anthropological approaches, deviance, cognitive biases, social systems

© Излученко Т. В., 2020

Введение. Проблеме экстремизма посвящено большое количество исследований. В них рассматриваются предпосылки возникновения, факторы развития экстремистских тенденций. Со стороны правоохранительных органов и широкой общественности предлагаются различные способы противодействия. Существующие позиции представляют собой крайности. Одни учитывают правовой аспект и строят выводы, отталкиваясь от противоправности действий. Представители экстремистских организаций понимаются лицами, несущими общественную угрозу и не способными к конструктивному диалогу в силу «зомбированного» сознания. Другие игнорируют судебные решения, указывая на некомпетентность правоохранителей. В результате без должного внимания остаются сущность экстремизма и особенности реализации экстремистских идей. Отсутствие адекватных критериев эффективности применяемых методов исследования и системы дерадикализации экстремистов может привести к неверной оценке рисков, невозможности контраргументации и даже способствовать усилению насильственных тенденций. Сформулировать данные критерии считается проблематичным, так как экстремизм представляет собой сложный социально-политический феномен. При его изучении необходимо учитывать не только правовую составляющую, но и психологические, социальные и экономические аспекты.

Экстремизм в современных условиях во многом обусловлен культурными ориентирами, такими как неопределённость, неустойчивость, скептицизм и ценностный релятивизм. Одностороннее понимание, сформировавшееся в европейской либерально-ориентированной науке, является результатом дискурса власти, который и вызывает протест у людей, разделяющих иные мировоззренческие установки. Необходим поиск адекватной методологии и теоретического основания социально-философских исследований экстремизма в условиях неустойчивого, рискогенного общества [12, с. 161].

Целью нашей работы является характеристика наиболее конструктивных методологических подходов к изучению экстремизма. Изучение экстремистских организаций как закрытых сообществ антропологическими подходами с включением социологических, когнитивных методов и учётом правовой оценки представляется продуктивным. Полученные результаты будут способствовать разработке адекватных управленческих решений. Несмотря на многоаспектность проблемы, следует отказаться от использования большого количества методов и ввести набор концептуальных и методических ресурсов, который может быть ис-

пользован для изучения любой социальной системы. Механизмы радикализации мышления и поведения, развития и распространения идей являются схожими в различного типа (националистических, религиозных, политических, молодёжных) экстремистских организациях. Отличие заключается в идеологическом содержании.

Методология и методы исследования. Нами характеризуется инструментарий когнитивного, статистического и социально-антропологических подходов к изучению экстремизма. Рассмотрение проявлений экстремизма осуществляется на принципах объективности и непредвзятости исследовательской позиции, историзма. Экстремистские проявления оцениваются относительно исторического контекста, действующего законодательства и современного состояния идей. Методологические подходы подвергаются теоретическому анализу, на результатах которого формулируются выводы применительно к изучению экстремизма. В связи с пониманием экстремистских организаций как сообществ, участники которых осуществляют совместную организованную деятельность, акцент делается на рассмотрении социально-антропологических подходов. Применяемые нами герменевтический подход, теоретический анализ и обобщение позволяют обнаружить продуктивные стороны возможного применения когнитивного, структурно-функционального и статистического подходов к исследованию экстремизма. Возникновение экстремистских идей понимается естественным процессом в работе когнитивной системы, вызванным эволюционными сбоями и ошибками использования психических состояний и обусловленным когнитивными искажениями.

Результаты исследования и их обосуждение. Широкое использование понятий «экстремизм», «экстремистская деятельность», навешивание ярлыков «экстремист», «радикал» приводят к чрезмерному злоупотреблению, складыванию определённого рода стереотипов. Несовершенство и наличие подходов, выделяющих отдельные проявления в различных сферах как самостоятельные виды экстремизма, отрицательно влияют на правоприменительную практику. Нередко рост показателей проявлений экстремизма объясняется не обострением социально-политической напряжённости в обществе, а произвольным привлечением к уголовной ответственности [6, с. 81].

В современном научном дискурсе можно выделить определённые исследовательские позиции к проблеме экстремизма. Каждая из них опирается на тот или иной методологический подход и делает акцент на каком-либо аспекте.

Первая ориентируется на ненормативное поведение, оценивая его относительно общественных норм. Р. Прус предлагает рассматривать экстремизм в контексте отклоняющегося поведения, психики и власти. Девиантностью понимается любая ситуация, идея или поступок, которые социумом воспринимаются угрозой, оскорблением и аморальностью, дискредитацией всех его членов. Вне социального контекста нельзя что-либо именовать девиацией. Посредством власти достигается возможность формирования нужного представления о ситуациях, расширения влияния одних и корректировки поведения других людей. Понятием «экстремизм» общество обозначает явление, заметно отличающееся от нормативного, – девиацию [20].

Ч. Винтер и У. Хасан определяют экстремизм как деятельность группы, сознательно отделившейся от социума, отвергающей культурные нормы, негативно относящейся к приверженцам иных взглядов и нарушающей социальное равновесие. Экстремисты опираются на свои идеологические источники (религиозные доктрины, учения основателей или лидеров), идеи превосходства и исключительности и отказываются от принятых социокультурных и правовых ценностей, провозглашая их нетрадиционными [27].

Вторая позиция указывает на правовую составляющую экстремистской деятельности и акцентирует внимание на криминологическом аспекте. В. П. Кириленко и Г. В. Алексеев подчёркивают радикальный характер идеологии экстремизма, под которым понимают тяжкие преступления: террористические акты, бандитизм и даже массовые беспорядки. Экстремистская идеология «развивается в закрытых социальных сообществах, отражает агрессивные настроения определённых радикалов по отношению к политическому классу и доминирующей идеологии» [5, с. 565]. Е. П. Сергун предлагает определение экстремизма как приверженности к антидемократизму с сочетанием психологической готовности к активной реализации системы представлений, основывающейся на нетерпимости к фундаментальным ценностям и принципам либеральной демократии, преступными методами. Он утверждает необходимость закрепления в законодательстве в качестве признака экстремистской деятельности антидемократического характера. Выделяемые виды экстремизма не обладают специфическими чертами, а обуславливаются факультативными, отличительными особенностями идеологии [8].

Е. Е. Заврина, Г. Н. Чернышов и П. С. Макурин выделяют наличие экстремистских действий одиночек, организованных или стихийных сообществ. Они классифициро-

вали экстремистские проявления по методу воздействия – с применением физического насилия, ликвидацией материальных объектов и использованием морального или психологического насилия; по целям – сплачивающий экстремизм, демонстрационный, конфронтационный и провокационный; по использованию вида оружия – традиционный (известные виды оружия, взрывчатые вещества) и технологический (новейшие технологии); по политическому характеру – левый, придерживающийся идей анархии и позиционирующий себя защитником трудящихся и неимущих, и правый, критикующий современные нравы, эгоизм, отсутствие порядка и потребительские отношения [4, с. 118].

Третья позиция опирается на особенности функционирования когнитивной системы. Дж. Беринг указывает, что когнитивная система развивается под влиянием социальной среды и формирует иллюзорные представления о психическом бессмертии, разумном замысле себя и символических значениях природных явлений. Эволюционное развитие спровоцировало некоторые ошибочные представления, в том числе веру в сверхъестественные силы и сакральное значение некоторых коммуникативных связей [15]. Экстремизм использует когнитивные структуры и принципы работы психики, воображение [13]. Благодаря особенностям психики возникновение экстремистских идей воспринимается сознанием естественным процессом. Они представляются рациональными, результатами логических умозаключений и каузальных связей [22]. Посредством использования когнитивных структур экстремистская идеология получает статус «естественности». В результате чего участники принимают решение в соответствии с ней, воспринимая их как свободное волеизъявление. Сделанный выбор представляется им свободным, результатом их личных умозаключений и поиска путей достижения собственных целей.

Экстремизм является психологическим конструктом, формой экстремального поведения. В основе экстремистских действий находятся когнитивные принципы: приобретение знания, активация полученного знания с помощью внешних раздражителей и избирательное внимание. Следствием является мотивационный дисбаланс между желаемым и должным. Происходит отход от нормального состояния, при котором удовлетворяются в какой-либо степени все потребности, как физиологические, так и психогенные. Доминирующая потребность – подтверждение личной значимости – раскрепощает поведение и снимает морально-этические ограничения, позволяя проявлять агрессию как способ достижения

желаемого. Личная значимость может реализовываться в совершенствовании себя, развитии качеств, которые высоко ценятся в организации, и установлении социальной справедливости. Экстремизм сопряжён с психологическими трудностями, вызываемыми сильными эмоциональными затратами, поэтому он не может быть состоянием, в котором продолжительное время пребывает большое количество людей [17].

В рамках четвёртой позиции исследователями используются понятия «насильственный экстремизм» и «радикализация», которыми подчёркиваются применение насилия и крайности в мышлении. Экстремизм представляется видом деятельности, заключающимся в противодействии существующему социально-политическому и экономическому положению противоправными действиями и опирающимся на идеи исключительности. Насильственный экстремизм подразумевает наличие соответствующего знания, мотивации и идеологического обоснования насилия как единственного средства достижения цели. Крайности в мышлении возникают у людей, обладающих сильными групповыми обязательствами, при возникновении угрозы безопасности обществу, с которым они себя идентифицируют. Такие люди более склонны к насильственным мерам [14]. Однако они могут никогда ими не воспользоваться.

Радикализм опирается на дихотомичные суждения и бинарную мировоззренческую позицию – сакрализованные «свои» и демонизированные «чужие». Проявлениями радикализации сознания выступают: а) требования ужесточения соблюдения формальных требований к себе и своим союзникам; б) крайности в суждениях; в) неприятие альтернатив в решении проблем. В некоторой степени радикализм присущ людям с экстремальным поведением. Данное состояние является плодотворной основой для развития экстремистских идей при соответствующей идеологической обработке и социальном влиянии.

В исследованиях насильственного экстремизма нередко происходит его приравнение к радикализации. Г. Тичини и Дж. Ламоте выделяют следующие предпосылки радикализма. Насилие выступает стремлением справиться с социальной несправедливостью, средством выражения гнева и раздражения. Когнитивные системы, сформированные под влиянием псевдонаучных убеждений, суеверий и предрассудков, вызывают ложные причинно-следственные связи, поляризацию представлений и чувство вины за бездействие. Социально-политический контекст интерпретируется с позиции идеологии. Психологические и социальные механизмы проявляются в де-

ятельности малых групп, используя отрицательный жизненный опыт, идентификацию «я» с группой и индивидуальные особенности. В этой связи конструктивной мерой противодействия экстремизму может стать дезидентификация участника с преступной группой и идентификация его с иным сообществом [24].

Использование нарративов для анализа трансформации сознания радикалов предлагает исследовательская группа во главе с Р. да Силвой. Разработанный метод под названием «Инновационная система кодирования элементов» позволяет выявить динамику внутриличностных мировоззренческих убеждений относительно участия в противоправной деятельности, насильственном экстремизме. Важными составляющими выступают отстранение от организации, вынужденное (отбывание наказания) или добровольное (снижение контактов), и дерадикализация – социально-психологический процесс, в результате которого человек перестаёт быть подвержен риску участия и применения насилия. Нарративы включают ответы или рассуждения на темы причин и механизмов участия в организациях, особенностей повседневной жизни, отстранения и восприятия прошлого в настоящем. Маркерами оценки выступают инновационные моменты (ИМ) – новые явления в поведении и мышлении при сохранении прежней психологической структуры и мировоззрения, сформированного под влиянием идеологии. ИМ первого уровня включает дистанцирование от организации, анализ её деятельности и признание неадекватности и неэффективности используемых ею ресурсов. На ИМ второго уровня человек описывает происходящие изменения в своём мышлении, характеризует смену мировоззренческих приоритетов. На ИМ третьего уровня отмечается эффективность реабилитации и дерадикализация. Происходит артикуляция контраста между «до», «в процессе» и «после» участия [16].

Оригинальным для вычисления динамики распространения, конструктивности мер профилактики и дерадикализации является статистический подход М. Сантопрете, который заключается в использовании математической модели (функций Ляпунова, принципа инвариантности Лассалья). Этапы экстремизма и противодействия ему моделируются на основе эпидемических процессов, выделяются следующие категории людей: восприимчивые, привитые, вербовщики, экстремисты и лечащиеся. При этом профилактические меры приравниваются к вакцинации, а дерадикализация – реабилитации [21]. Математическое моделирование позволяет рассчитать динамику экстремизма в определённое время с учётом смертно-

сти экстремистов, скорости реабилитации, среднего тюремного срока (за преступления экстремистской направленности) и определить степень устойчивости социально-политической системы.

Экстремистские организации можно рассматривать в качестве социальных систем, которые являются сложными последовательностями коммуникативного взаимодействия, создаваемыми познавательными агентами и формирующими соответствующую социальную среду, картину мира для своих членов. При этом они сами выступают индивидуальностями (субъектами познания), что проявляется в выборе информации, высказываниях (публичных заявлениях) и трактовке происходящих социально-политических процессов [Там же]. Участие удовлетворяет потребности людей в доверии, значимости, вариантах личностного развития, обучении и самореализации, обеспечивая тем самым физическое, эмоциональное и умственное здоровье. М. Миссимер, К. Роберт и Г. Броман отметили главным свойством социальных систем устойчивость – способность поглощать возмущение/отклонения и реорганизовываться под влиянием изменяющихся внешних условий при сохранении функционала, структуры, идентичности и обратной связи [19].

На основе полученных данных о деятельности экстремистских организаций в качестве самостоятельных субъектов, конструирующих собственное представление о социальной реальности и регулирующих поведение и мышление своих участников в соответствии с идеологией, нами предлагается использование социально-антропологических подходов. Историческая антропология разрабатывает понятия «повседневность», «ментальность» и предлагает исследовать социальные процессы через призму жизнедеятельности рядовых участников, выдающихся личностей [9, с. 9]. Условия повседневности мотивируют людей на совершение поступков. Предлагается выявлять индивидуальную интерпретацию времени и пространства, поступков, ресурсов, сознательных и культурных возможностей, а также анализировать действия, совершаемые на основе индивидуальных представлений и эмоций, иррациональности. Критериями исследования выступают: человек, социальные системы, пространственная локализация, период, условия проживания, организация быта, субъективные представления о мире, мотивация и построение целостного образа об окружении, степень активности, эффективность деятельности и актуальные правовые и этические регуляторы поведения [1]. Исследователь реконструирует индивидуальный исторический опыт, визуализирует и объективизирует его через систему

фото- и видеоматериалов, компьютерных технологий и прочих «нарративов включённого типа» [11, с. 125].

У человека под влиянием окружения существующая ментальность трансформируется под общественные нормы, принятые модели поведения. Под ментальностью понимается совокупность социальных и психологических установок, моделей поведения и привычек людей, принадлежащих к единой социокультурной общности. Особенности ментальности представителей одной социальной системы проявляются в повседневности, хозяйственной и общественной деятельности, быту и социальных действиях и ритуальных практиках. Поведение обуславливается картиной мира, заложенной в их сознании посредством языка, религии, воспитания и социального общения [10, с. 165]. Для реконструкции поведения необходимо выявлять мотивацию, воззрения, эмоции и чувства участников, а также специфику мышления и аксиологические положения.

Жизнедеятельность людей представляет собой символическое выражение картины мира и специфической культурной среды. Экстремистская организация формирует на основе идеологии картину мира (принятие соответствующего представления о мире) и этос (принятие соответствующего образа жизни), которые получают символическое выражение в повседневной и ритуальной практике участников. Это позволяет изучать культуру экстремистской организации посредством интерпретации самих её участников в рамках интерпретативного подхода К. Гирца. Под культурой понимается стратифицированная иерархия значимых структур, состоящая из действий, знаков, высказываний и действий, представляющих ценность для участников [3].

В организованной деятельности большое значение отводится социальным действиям и совместным ритуалам, посредством которых осуществляется передача знаний, воспитание и интеграция новых участников. Ритуалы являются социальными композициями, утверждающими порядок и иерархию и символически проявляющимися элементами культуры, а также актами коммуникации. Они есть кодированные телесные процессы, создающие и интерпретирующие, сохраняющие и изменяющие представления о социальной реальности. Посредством ритуальных действий нормы вписываются в тело, инкорпорируются социальные отношения власти. К. Вульф указывает значимыми: а) постоянное повторение действий, вызывающее общие эмоции и переживания у участников (перформативность), и б) передачу аксиологических, этических образцов, включение людей в совместную деятельность (мимезис) [2]. Участники риту-

ала ощущают единство с другими, экзистенциальное, нормативное и идеологическое тождество своих взглядов с коллективными установками [9].

Ритуал позволяет ретранслировать идеологические убеждения не только во внешнюю среду, но и структурировать повседневную жизнь участников, отражать социальную иерархию и уточнять статус-роли каждого. В результате формируются схожие образы и представления, на которых основываются модели мышления и поведения, характерные для участников определённой организации. Рассмотрение экстремистской организации социально-антропологическим подходом позволяет выявить структуру и содержание ритуальных действий, тем самым определить организационную составляющую и охарактеризовать динамику социальных отношений.

Экстремистские организации представляют собой сообщества людей, объединённых идеологическими положениями и осуществляющих организованную деятельность, действия которых воспринимаются обществом девиациями, а государством квалифицируются противоправными. Они провозглашают цели, достижение которых является в ближайшее время или в отдалённом будущем невозможным. Однако их наличие мотивирует участников на активную деятельность без необходимости подтверждений её реализации. На пути к разрешению поставленных задач участники получают возможность удовлетворять собственные личные интересы, которые благодаря расплывчатой общей цели вписываются в деятельность организации и поощряются руководством. Это, с одной стороны, формирует представление об индивидуальной значимости каждого, его вкладе в общее дело, а, с другой – позволяет организации скрывать истинные политизированные мотивы.

Участники экстремистских организаций обладают схожими онтологическими представлениями, сформированными под влиянием идеологии, моделями мышления и поведения, обусловленными спецификой деятельности. По причине противоправного характера деятельности повседневность и ментальность характеризуются дихотомичностью, способствующей эмоциональной загруженности и стрессу. Экстремисты стремятся обустроить свой быт как граждане государства, соблюдать права и обязанности, получать медицинское обслуживание, образование, но при этом должны выполнять свои организационные функции, признаваемые государством экстремистскими, соблюдать конспиративные меры и понимать, что рано или поздно об их действиях станет известно правоохранительным органам или уже стало.

Идеологии экстремистских организаций трансформируют и адаптируют под себя уже существующие общепризнанные, традиционные идеи, указывая на их искажённость ангажированными политиками и духовными деятелями. Теория маркировки С. Стауфера отмечает наличие разработанной государством системы маркеров отклонений от общественно принятого поведения, которые квалифицируются законодательством как экстремизм. Выявленные в поведении маркеры становятся ярлыками, навешиваемыми пожизненно без возможности переинтерпретации действий, переоценки в рамках социально-политического и исторического контекста и, как следствие, реабилитации и принятия ответственности за свои поступки бывшим экстремистом [23]. Данная система не подразумевает раскаяния и добровольной дерадикализации, осознания преступлений. Она мотивирует на отказ от сотрудничества, восприятие государства врагом и противником Добра, а самих экстремистов – борцами за справедливость.

Значимая роль в формировании соответствующего знания, его активации в нужном для экстремистской организации направлении и использование соответствующих когнитивных искажений принадлежит идеологии и социальному окружению. Идеология идентифицирует врага, дегуманизирует его и легитимизирует насилие над ним. Радикализация – переход человека из умеренного состояния, социально-нормативного отношения к агрессивному поведению. Она включает в себя три этапа: 1) выявление врага, виновного в унижении, дискриминации, ограничении каких-то прав и свобод и проявлениях несправедливости; 2) оправдание насилия моральными ценностями идеологии и 3) формирование бинарной позиции в мышлении «свои» – «чужие». Социальное окружение, позиционируясь близкими людьми, союзниками в достижении целей и наделяя человека значимостью, усиливает его готовность отклониться от нормативного поведения, подтверждает правильность совершаемых действий и создаёт коллективную идентичность. Конструктивным методом противодействия радикализации представляется создание альтернативных путей достижения личной значимости при развитии чувства разочарования, формировании представления о невозможности достижения личных целей и удовлетворении личных потребностей путём экстремизма [26].

Стоит отметить, что в последние несколько лет исследователи стали подчёркивать адекватность и рациональность экстремистов. Они акцентируют внимание на психологической (когнитивной) составляющей, социальном окружении и его влиянии на поведение, отклоняющееся от нормативного

и обоснованное идеологией, а также на политико-правовой оценке данных действий. Утверждения о патологичности экстремистов сами являются радикальными и ведут к негативным социальным последствиям, в том числе радикализации экстремистских организаций, ограничению внешних контактов и снижению количества конструктивных методов противодействия и дерадикализации. Экономические факторы, наличие образования и уровень неудовлетворённости социально-экономическим положением не рассматриваются однозначными причинами экстремизма, утверждается индивидуальное сочетание для каждого региона. Отмечается рост экстремистских настроений в большей степени среди мужчин, нежели женщин, а также при сочетании высокого уровня безработицы и высоких темпов экономического развития [25].

Заключение. На наш взгляд, методология на основе сочетания исторического, интерпретативного, социально-антропологического, когнитивного и статистического подходов с учётом правовой оценки позво-

ляет комплексно подойти к исследованию экстремизма. Экстремистские организации представляются социальными системами, обладающими организационно-административной структурой, иерархичностью внутриорганизационного положения и формирующими схожие онтологические установки, модели поведения и мышления у акторов. Дискурс указанных подходов способствует формированию адекватного представления и объяснению экстремизма как формы организованной деятельности рационально мыслящих людей, совершающих действия, которые отклоняются от общественных норм и классифицируются государством противоправными. Важными методологическими принципами выступают: а) нейтральность исследовательской позиции; б) объективность оценки полученных результатов; в) учёт исторического и социально-политического контекста возникновения экстремистских идей и функционирования данных организаций; г) отказ от признания патологичности личности экстремистов.

Список литературы

1. Банникова Е. В. Повседневность как объект исторического исследования. Текст: электронный // Современные исследования социальных проблем: электрон. науч. журн. 2011. № 3. С. 54. URL: <https://www.cyberleninka.ru/article/n/povsednevnost-kak-obekt-istoricheskogo-issledovaniya> (дата обращения: 23.12.2019).
2. Вульф К. К генезису социального. Мимезис, перформативность, ритуал. М.: Интерсоцис, 2009. 164 с.
3. Гирц К. Интерпретация культур. М.: РОССПЭН, 2004. 560 с.
4. Заврина Е. Е., Чернышов Г. Н., Макурин П. С. Экстремизм – актуальность проблемы // Инновационная экономика и право. 2017. № 3. С. 115–119.
5. Кириленко В. П., Алексеев Г. В. Актуальные проблемы противодействия преступлениям экстремистской направленности // Всероссийский криминологический журнал. 2018. № 4. С. 561–571.
6. Молодов О. Б. К вопросу о понятии и типологии экстремизма // Вестник Башкирского института социальных технологий. 2015. № 2. С. 78–82.
7. Пушкарева Н. Л., Любичанковский С. В. Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от Школы Анналов к российской философской школе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2004. № 1. С. 7–21.
8. Сергун Е. П. Соотношений понятий «вид экстремизма» и «форма экстремизма» // Правовая культура. 2013. № 1. С. 99–105.
9. Тэрнер В. Символ и ритуал. М.: Наука, 1983. 277 с.
10. Хромова Е. Б. А. Я. Гуревич и история ментальностей // Вестник Пермского государственного университета. Серия «История». 2014. № 1. С. 163–168.
11. Чистанов М. Н. К вопросу о визуализации исторического нарратива // Гуманитарный вектор. 2019. № 3. С. 121–127. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-3-121-127.
12. Чудинов С. И. Экстремизм и научный образ экстремизма: столкновение мировоззренческих парадигм // Теория и практика общественного развития. 2014. № 18. С. 158–162.
13. Agnati L., Marcoli M., Agnati U., Ferraro L., Guidolin D., Maura G. The mis-exaptation of the prediction capability of humans and emergence of intolerant religious beliefs // Neurology, Psychiatry and Brain Research. 2017. Vol. 23. Pp. 43–53. DOI: 10.1016/j.npbr.2016.12.002.
14. Beller Joh., Kroger C. Religiosity, Religious Fundamentalism, and Perceived Threat as Predictors of Muslim Support For Extremist violence // Psychology of Religion and Spirituality. 2018. Vol. 4, is. 10. P. 345–355. DOI: 10.1037/rel0000138.
15. Bering J. The folk psychology of souls // Behavioral and Brain Sciences. 2006. Vol. 29. Pp. 453–498.
16. Da Silva R., Fernandez-Navarro P., Gonçalves M., Rosa C., Silva J. Tracking narrative change in the context of extremism and terrorism: Adapting the Innovative Moments Coding System // Aggression and Violent Behavior. 2019. Vol. 47. Pp. 204–214. DOI: 10.1016/j.avb.2019.05.002.
17. Kruglanski A., Fernandez J., Factor A., Szumowska E. Cognitive mechanisms in violent extremism // Cognition. 2019. Vol. 188. Pp. 116–123. DOI: 10.1016/j.cognition.2018.11.008.
18. Lenartowicz M., Weinbaun D., Braathen P. The individuation of Social Systems: A Cognitive Framework // Procedia Computer Science. 2016. Vol. 88. Pp. 15–20. DOI: 10.1016/j.procs.2016.07.400.

19. Missimer M., Robèrt K., Broman G. A strategic approach to social sustainability – Part 1: exploring the social system // *Journal of Cleaner Production*. 2017. Vol. 140. Pp. 32–41. DOI: 10.1016/j.jclepro.2016.03.170.
20. Prus R. Terrorism, tyranny, and religious extremism as collective activity: Beyond the deviant, psychological, and power mystiques // *The American Sociologist*. 2005. Vol. 36, is. 1. Pp. 47–74. DOI: 10.1007/s12108-005-1009-x.
21. Santoprete M. Countering violent extremism: A mathematical model // *Applied Mathematics and Computation*. 2019. Vol. 358. Pp. 314–329. DOI: 10.1016/j.amc.2019.04.054.
22. Slegers W., Proulx T., Beest I. Extremism reduces conflict arousal and increases values affirmation in response to meaning violations // *Biological Psychology*. 2015. Vol. 108. Pp. 126–131. DOI: 10.1016/j.biopsycho.2015.03.012.
23. Stauffer C. Transitional Justice. In: Bruinsma G., Weisburg D. (eds) *Encyclopedia of Criminology and Criminal Justice*. New York: Heidelberg, Dordrecht, London: Springer.
24. Tischinin G., Lamote Th. The Process of Radicalization in the Prison Environment: From Criminogenesis to Radicalogenesis // *L'Evolution Psychiatrique*. 2019. Vol. 84, is. 3. Pp. 59–69. DOI: 10.1016/j.evopsy.2019.05.003.
25. Vijaya R., Wilent A., Cathcart J., Fiorellini R. Economic underpinnings of violent extremism: A cross county exploration of repeated survey data // *World Development*. 2018. Vol. 109. Pp. 401–412. DOI: 10.1016/j.worlddev.2018.05.009.
26. Webber D., Kruglanski A. The social psychological makings of a terrorist // *Current Opinion in Psychology*. 2018. Vol. 19. Pp. 131–134. DOI: 10.1016/j.copsyc.2017.03.024.
27. Winter Ch., Hasan U. The Balanced Nation: Islam and the Challenges of Extremism, Fundamentalism, Islamism and Jihadism // *Philosophia*. 2016. Vol. 44, is. 3. Pp. 667–688. DOI: 10.1007/s11406-015-9634-2.

Статья поступила в редакцию 16.03.2020; принята к публикации 21.04.2020

Сведения об авторе

Излученко Татьяна Владимировна, кандидат философских наук, доцент, Сибирский федеральный университет; 660041, Россия, г. Красноярск, пр-т Свободный, 79; <http://orcid.org/0000-0001-5644-301X>; e-mail: izluchenko@mail.ru.

Библиографическое описание статьи

Излученко Т. В. Методология исследования экстремизма в современном научном дискурсе // *Гуманитарный вектор*. 2020. Т. 15, № 4. С. 105–113. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-4-105-113.

References

1. Bannikova, E. V. Everyday Life as an object of historical research. Modern researches of social problems (electronic scientific journal), no. 3, p. 54, 2011. (In Rus.)
2. Wulf, K. *Zur Genese des Sozialen. Mimesis, Performativität, Ritual*, Bielefeld. M: Intersols, 2009. (In Rus.)
3. Geertz, C. *The Interpretation of Cultures*. M: ROSSPEN, 2004. (In Rus.)
4. Zavrina, E. E., Chernyshov, G. N. Extremism-relevance of the problem). *Innovative economy and law*, no. 3, pp. 115–119, 2017. (In Rus.)
5. Kirilenko, V. P., Alekseev, G. V. Actual problems of counteraction to crimes of extremist orientation. *All-Russian criminological journal*, no. 4, pp. 561–571, 2018. (In Rus.)
6. Molodov, O. B. On the question of the concept and typology of extremism). *Bulletin of the Bashkir Institute of social technologies*, no.2, pp. 78–82, 2015. (In Rus.)
7. Pushkareva, N. L., Lyubichankovskiy, S. V. Understanding understanding of the history of everyday life in contemporary historical studies: from the Annales School to the Russian philosophical school. *Bulletin of Leningrad state University. Of A. S. Pushkin*, no. 1, pp. 7–21, 2004. (In Rus.)
8. Sergun, E. P. The Correlation of the Notions “Religious Fundamentalism” and “Religious Extremism”. *Legal Culture*, no. 2, pp. 99–105, 2013. (In Rus.)
9. Turner, V. *The Forest of Symbols: Aspects of Ndembu Ritual*. M: Nauka, 1983. (In Rus.)
10. Khromova, E. B. A. Ya. Gurevich and the history of mentalities. *Vestnik Perm state University*, no. 1, pp. 163–168, 2014. (In Rus.)
11. Chistanov, M. N. To the Issue of Visualization of a Historical Narrative. *Humanitarian vector*, no. 3, pp. 121–127, 2019. <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2019-14-3-121-127>. (In Rus.)
12. Chudinov, S. I. Extremism and scientific image of extremism: clash of worldview paradigms. *Theory and practice of social development*, no. 18, pp. 158–162, 2014. (In Rus.)
13. Agnati, L., Marcoli, M., Agnati, U., Ferraro, L., Guidolin, D., Maura, G. The mis-exaptation of the prediction capability of humans and emergence of intolerant religious beliefs. *Neurology, Psychiatry and Brain Research*, vol. 23, pp. 43–53, 2017. <https://doi.org/10.1016/j.npbr.2016.12.002>. (In Engl.)
14. Beller, Joh., Kroger C. Religiosity, Religious Fundamentalism, and Perceived Threat as Predictors of Muslim Support For Extremist violence. *Psychology of Religion and Spirituality*, vol. 4, pp. 345–355, 2018. <https://doi.org/10.1037/rel0000138>. (In Engl.)
15. Bering, J. The folk psychology of souls. *Behavioral and Brain Sciences*, vol. 29, pp. 453–498, 2006. (In Engl.)

16. Da Silva, R., Fernandez-Navarro, P., Gonçalves, M., Rosa, C., Silva, J. Tracking narrative change in the context of extremism and terrorism: Adapting the Innovative Moments Coding System. *Aggression and Violent Behavior*, vol. 47, pp. 204–214, 2019. <https://doi.org/10.1016/j.avb.2019.05.002>. (In Engl.)
17. Kruglanski, A., Fernandez, J., Factor, A., Szumowska, E. Cognitive mechanisms in violent extremism. *Cognition*, vol. 188, pp. 116–123, 2019. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2018.11.008>. (In Engl.)
18. Lenartowicz, M., Weinbaun, D., Braathen, P. The individuation of Social Systems : A Cognitive Framework. *Procedia Computer Science*, vol. 88, pp. 15–20, 2016. <https://doi.org/10.1016/j.procs.2016.07.400>. (In Engl.)
19. Missimer, M., Robèrt, K., Broman, G. A strategic approach to social sustainability – Part 1: exploring the social system. *Journal of Cleaner Production*, vol. 140, pp. 32–41, 2017. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2016.03.170>. (In Engl.)
20. Prus, R. Terrorism, tyranny, and religious extremism as collective activity: Beyond the deviant, psychological, and power mystiques. *The American Sociologist*, vol. 36 (1), pp. 47–74, 2005. <https://doi.org/10.1007/s12108-005-1009-x>. (In Engl.)
21. Santoprete, M. Countering violent extremism: A mathematical model. *Applied Mathematics and Computation*, vol. 358, pp. 314–329, 2019. <https://doi.org/10.1016/j.amc.2019.04.054>. (In Engl.)
22. Slegers, W., Proulx, T., Beest, I. Extremism reduces conflict arousal and increases values affirmation in response to meaning violations. *Biological Psychology*, vol. 108, pp. 126–131, 2015. <https://doi.org/10.1016/j.biopsycho.2015.03.012>. (In Engl.)
23. Stauffer, C. Transitional Justice. In: Bruinsma G., Weisburg D. (eds). *Encyclopedia of Criminology and Criminal Justice*. N.-Y.: Heidelberg, Dordrecht, London: Springer. (In Engl.)
24. Tischinin, G., Lamote, Th. The Process of Radicalization in the Prison Environment: From Criminogenesis to Radicalogenesis. *L'Evolution Psychiatrique*, no. 3, pp. 59–69, 2019. <https://doi.org/10.1016/j.evopsy.2019.05.003>. (In Engl.)
25. Vijaya, R., Wilent, A., Cathcart, J., Fiorellini, R. Economic underpinnings of violent extremism : A cross county exploration of repeated survey data. *World Development*, vol. 109, pp. 401–412, 2018. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2018.05.009>. (In Engl.)
26. Webber, D., Kruglanski, A. The social psychological makings of a terrorist. *Current Opinion in Psychology*, vol. 19, pp. 31–134, 2018. <https://doi.org/10.1016/j.copsy.2017.03.024>. (In Engl.)
27. Winter, Ch., Hasan, U. The Balanced Nation: Islam and the Challenges of Extremism, Fundamentalism, Islamism and Jihadism. *Philosophia*, no.3, pp. 667–688, 2016. <https://doi.org/10.1007/s11406-015-9634-2>. (In Engl.)

Received: March 16, 2020; accepted for publication April 21, 2020

Information about author

Izluchenko Tatyana V., Candidate of Philosophy, Associate Professor; Siberian Federal University; 79 Svobodny pr., Krasnoyarsk, 660041, Russia; e-mail: izluchenko@mail.ru; [http:// orcid.org/0000-0001-5644-301X](http://orcid.org/0000-0001-5644-301X).

Reference to the article

Izluchenko T. V. Research Methodology of Extremism in Modern Scientific Discourse // *Humanitarian Vector*. 2020. Vol. 15, No. 4. PP. 105–113. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-4-105-113.